

Шестая глава из «ЧЕРНОЙ КНИГИ КОММУНИЗМА»

СССР С 1923 ПО 1936 ГОД

Это первое не художественное, а именно историко-публицистическое исследование чудовищных преступлений коммунистических режимов в разных государствах и, прежде всего, в России. Книга написана зарубежными историками. Издана во многих европейских странах огромными тиражами. Только во Франции ее тираж составил 300 000 экземпляров. Переведена на 31 язык. На русском языке книга вышла в издательстве «Три века истории».

(...продолжение, начало в №85-95)

«СОЦИАЛЬНО ЧУЖДЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ» И ЦИКЛЫ РЕПРЕССИЙ

Антирелигиозное наступление 1929-1930 годов разворачивалось в два этапа. 8 апреля 1929 года было издано Постановление, усиливающее ответственность местных властей за духовную жизнь прихожан и добавляющее новые ограничения в деятельности религиозных объединений.

Отныне всякая деятельность, выходящая за рамки «удовлетворения религиозных потребностей», попадала под действие закона об уголовной ответственности, в частности, п. 10 ст. 58 Уголовного кодекса, предусматривающего наказание от трех лет тюремного заключения до смертной казни за «использование религиозных предрассудков для ослабления государства». 26 августа 1929 года правительство установило пятидневную рабочую неделю – пять дней работы и один день отдыха, выходной; таким образом, указ устранял воскресенье как день отдыха для всех групп населения. Эта мера как бы должна была помочь «искоренению религии».

Но эти законы и постановления были только прелюдией к прямым действиям в отношении церкви, ко второму этапу наступления на церковь. В октябре 1929 года было приказано снять церковные колокола: «Колокольный звон нарушает право широких атеистических масс городов и деревень на заслуженный отдых». Служители культа были приравнены к кулакам: заданные налоги (налоги в 1928-1930 годах возросли в десять раз), лишены всех гражданских прав, что означало, в первую очередь, лишение продовольственных карточек и бесплатного медицинского обслуживания, они стали также подвергаться арестам, высылке или депортации.

Согласно существующим неполным данным, более тринадцати тысяч служителей культа были «раскулачены» в 1930 году. В большинстве деревень и городов коллективизация началась с символического закрытия церкви, раскулачивания попа. Весьма симптоматично, что около 14% бунтов и крестьянских волнений, зарегистрированных в 1930-х годах, имели первопричиной закрытие церкви и конфискацию колоколов. Антирелигиозная кампания достигла своего апогея зимой 1929-1930 годов. 1 марта 1930 года 6 715 церквей были закрыты, часть из них разрушена.

Однако после знаменитой статьи Сталина «Головокружение от успехов» резолюция Центрального Комитета ВКП (б) цинично осудила «недопустимые отклонения в борьбе против религиозных предрассудков» и, в частности, закрытие церквей без согласия прихожан. Это была чисто формальная отговорка со стороны властей, ибо она не имела никакого положительного влияния на судьбы сосланных служителей культа.

В последующие годы открытое активное наступление на церковь сменилось тихим административным преследованием духовенства и верующих. Свободно трактуя 68 статей Постановления от 8 апреля 1929 года, превышая свои полномочия, закрывая церкви, местные власти продолжали вести борьбу под различными «благовидными» предлогами: старые, обветшавшие или «находящиеся в антисанитарном состоянии здания», отсутствие страхования, неуплата налогов и других многочисленных поборов, выставлялись как достаточные основания для оправдания действий властей.

Например, прихожане Алексея Буя, епископа из Воронежа, арестованного в 1929 году по причине его непримиримого отношения к идее любого компромисса церкви с государством, организовали свою собственную, «Истинно православную церковь» с собственным духовенством, часто «бродячим», отступившим от церкви, послушной митрополиту Сергию. Адепты «раскольнической церкви», у которых не было собственных культовых зданий, собирались на моление в самых различных местах: в частных домах, в пустынных местах, в пещерах.

Эти «истинно православные христиане», как они себя называли, подвергались усиленным репрессиям; тысячи из них были арестованы и отправлены на спецпоселение или в лагеря. Что касается Православной церкви в целом, число мест проведения служб и служителей сильно уменьшилось под постоянным давлением властей, даже если перепись населения 1937 года, позднее засекреченная, показала наличие 70% верующих

в стране. 1 апреля 1936 года в СССР оставалось только 15 835 действующих православных церквей (28% от числа действовавших до революции церквей), 4 830 мечетей (32% от числа дореволюционных) и несколько десятков католических и протестантских храмов.

При перерегистрации служителей культа их число оказалось равным 17 857 вместо 116 629 в 1914 году и около 70 000 в 1928 году. Духовенство стало, согласно официальной формуле, «осколком умирающих классов».

Кулаки, спецы и представители духовенства были не единственными жертвами «антикапиталистической революции» в начале тридцатых годов. В январе 1930 года власти начали кампанию по искоренению «частного предпринимательства». Эта операция была направлена против торговцев, ремесленников, а также многих представителей свободных профессий, в целом, их было зафиксировано около полутора миллионов. Во времена НЭПа они весьма мирно трудились в «частном секторе».

Эти предприниматели, частный капитал которых в торговле не превышал 1000 рублей (98% из них не использовали ни одного наемного работника), были быстро лишены возможности продолжать свою деятельность удешевлением их налогообложения, конфискацией имущества, как «деклассированные, паразитические или «социально чуждые элементы», лишены всех гражданских прав как сходящие на нет «бывшие» или как «члены прежнего класса имущих и царского аппарата».

Постановление от 12 декабря 1930 года зафиксировало более 30 категорий лишенцев: бывших землевладельцев, бывших торговцев, бывших кулаков, бывших «владельцев частных предприятий», служителей культа, монахов, монахинь, бывших членов оппозиционных политических партий и т. д. Дискриминационные меры, жертвами которых стали лишенцы, представлявшие в 1932 году 4% избирателей, составившие вместе с их семьями 7 миллионов человек, не ограничивались лишением избирательных прав. В 1929-1930 годах их лишили права на жилье,

на медицинское обслуживание и на продовольственные карточки. В 1933-1934 годах были приняты еще более строгие меры, возникшие в ходе операций по паспортизации, направленных на чистку городов от «деклассированных элементов». Срезавшая под корень социальную структуру деревни и сельский образ жизни, насильственная коллективизация породила чудовищную миграцию крестьян в города. Крестьянская Россия превратилась в страну бродяг, в Русь бродячую. С конца 1928 по конец 1932

года советские города были наводнены крестьянами, число которых близилось к 12 миллионам, это были те, кто бежал от коллективизации и раскулачивания. В одних только районах Москвы и Ленинграда появилось три миллиона мигрантов. Среди них было немало предприимчивых крестьян, предпочитавших бегство из деревни самораскулачиванию или вступлению в колхозы. В 1931 году бесчисленные стройки поглотили эту весьма непривлекательную рабочую силу. Но, начиная с 1932 года, власти стали опасаться непрерывного и неконтролируемого потока населения, который превращал города в подобие деревень, а властям нужно было сделать их витриной нового социалистического общества. Миграция населения ставила под угрозу всю эту тщательно разработанную показательную систему, в которой число «имеющих права» увеличилось с двадцати шести миллионов в начале 1930 года до почти сорока к концу 1932 года.

Миграция превращала заводы в огромные становища кочевников. По мнению властей, «новоприбывшие из деревни могут вызвать негативные явления и развалить производство обилием прогульщиков, упадком рабочей дисциплины, хулиганством, увеличением брака, развитием преступности и алкоголизма».

Чтобы победить «стихию» (термин обозначал одновременно природные явления, но также анархию и беспорядок), власти решили в ноябре 1932 года принять репрессивные меры к нарушителям производственной дисциплины на работе и тем самым попытаться очистить города от «социально чуждых элементов». Постановление от 15 ноября 1932 года наказывало за «прогул» на работе немедленным увольнением, лишением продовольственных карточек, выселением нарушителей с места жительства.

Его очевидной целью было разоблачение «псевдорбочих». Постановление от 4 ноября 1932 года предоставляло предприятиям право самим решать, кого следует лишить продовольственных карточек, с целью выявления и удаления всех «мертвых душ» и «паразитов», несправедливо внесенных в муниципальные списки на продовольственные карточки.

Но чуть ли не самым главным стало введение 27 декабря 1932 года внутригосударственного паспорта.

Паспортизация населения отвечала многим целям, обозначенным во вступлении к этому закону: ликвидации «социального паразитизма», ограничения проникновения кулаков в города, а также их рыночной деятельности, ограничению исхода сельского населения, сохранению чистоты городов.

(продолжение следует...)

Лишенные гражданских прав, всего духовного влияния, возможности зарабатывать на жизнь, подведенные под категорию «паразитические элементы, живущие чужими доходами», некоторое число служителей культа вынужденно превращалось в «бродячих попов», ведущих подпольную жизнь вне общества. Кроме того, внутри самой церкви возникло сектантство: так, не согласные с верноподданнической политикой митрополита Сергия, часть верующих отделилась от официальной церкви, особенно это наблюдалось в Тамбовской и Воронежской областях.